

RU

Директивы как база алгоритмизации действий клиента в пограничном дискурсе социальной работы

Борисова Т. Г., Бредихина Ю. И.

Аннотация. Целью настоящего исследования является выявление степени влияния прямых и имплицитных директив на прогностику развития конвенционального некооперативного взаимодействия. Научная новизна проведенного анализа определяется прежде всего делимитацией маскировочных директив при использовании хеджей в рамках снятия с агента пограничной коммуникации эпистемической ответственности. Результаты по определению речеактовой специфики вербальной прескрипции получены на основе применения коммуникативно-дискурсивного анализа к выявлению иллокутивной цели конститутивно и контекстуально детерминированных высказываний агентов пограничного дискурса социальной работы с населением. Различные виды директив начинают действовать как непреложный алгоритм, направленный на достижение цели в некооперативном взаимодействии агентов и клиентов только с учетом фактора «третьего агента», которым выступает сам социальный институт, его конвенции, нормы и правила, регламентирующие коммуникативное и реальное поведение. Директивная иллокуция в пограничном дискурсе для гармонизации взаимодействия реализуется в нескольких видах речевых актов: инвитив, инъюнктив, адвисив, инструктив, реквестив, зачастую снабжаемых прояснением последствий невыполнения или отхода от модельного поведения, что оправдывается снятием эпистемической ответственности и реминисценциями к прескрипциям «третьего агента». Таким образом, наибольший перлокутивный эффект и четкое прогнозирование развития коммуникации достигаются при формальном представлении последовательности обязательных действий (прескрипций) как менасивов мягкого воздействия (предупреждения и предостережения).

EN

Directives as a base to algorithmize the client's actions in the boundary discourse of social work

T. G. Borisova, Y. I. Bredikhina

Abstract. The purpose of the study is to identify the degree of influence of explicit and implicit directives on the prospects of the development of conventional non-cooperative interaction. The scientific novelty of the analysis is primarily determined by the delimitation of masking directives when using hedges in the context of removing epistemic responsibility from the agent of boundary communication. The results of determining the speech-act specificity of verbal prescription are obtained on the basis of communicative-discursive analysis to identify the illocutionary goal of constitutionally and contextually determined statements of agents of the boundary discourse of social work with the population. Various types of directives begin to act as an immutable algorithm aimed at achieving the goal in non-cooperative interaction of agents and clients only taking into account the factor of the “tertiary agents”, which is the social institution itself, its conventions, norms and rules regulating communicative and real behavior. Directive illocution for the harmonization of interaction is realized in several types of speech acts in boundary discourse: invitive, injunctive, instructive, and requestive. They are often supplied with clarification of the consequences of non-fulfillment or deviation from the model behavior, justified by the removal of epistemic responsibility and reminiscences of prescriptions of the “tertiary agents”. Thus, the maximum perlocutionary effect and clear forecasting of the development of communication is achieved with a formal presentation of the sequence of mandatory actions (prescriptions) as menasives of soft impact (warnings and admonitions).

Введение

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости изучения механизмов повышения эффективности агент-клиентского взаимодействия при осуществлении развернутой некооперативной

коммуникации в рамках пограничного дискурса социальной работы. Современные гибридные типы дискурса, характеризующиеся асимметрией исходных иллокутивных пространств и жесткой конвенционализацией моделей интеракции со стороны самого социального института как деперсонализованного «третичного агента» коммуникации, оставляют сравнительно ограниченные возможности для синтонной алгоритмизации процесса и прогнозирования перлокутивного эффекта ввиду постоянной смены форм взаимодействия с доминированием формально-институциональных компонентов на каждом из этапов (инкоативном, дуративном и финальном) (Бредихина, 2017, с. 90). В связи с этим выявление наиболее адекватных способов речеактового варьирования при реализации директивной функции выступает на первый план.

Реализация доминантной цели исследования повлекла за собой ряд конкретных задач:

- описать специфику развернутого некооперативного взаимодействия в пограничном дискурсе социальной работы;
- классифицировать косвенные речевые акты, реализующие директивный фрейм в некооперативной коммуникации агента служб социальной защиты населения;
- проанализировать специфику маскировки директивности в аспекте повышения эффективности при алгоритмизации действий клиента;
- описать ключевые хеджи в рамках снятия эпистемической ответственности при прескрипции последовательности действий клиента.

Эмпирическим материалом для анализа послужили микроконтексты, реализующие директивную функцию алгоритмизирования коммуникативного и реального поведения клиентов органов служб социальной защиты населения, отобранные методом сплошной выборки из более чем 14 часов деперсонифицированных аудиозаписей приема граждан, представленных в скриптах из личного архива исследователя Ю. И. Бредихиной. Всего картотека прямых и маскировочных директивных актов составила 783 микроконтекста, при этом прямые требования и приказы ограничиваются 42 случаями и присутствуют в основном в финально-конвенционализирующем этапе взаимодействия.

Теоретическая база исследования представлена трудами отечественных и зарубежных ученых, посвященных проблемам развернутого некооперативного взаимодействия (Nash, 1951) и консолидации когитивных усилий в условиях исходной асимметрии, дисимметрии иллокутивных целей при некооперативной коммуникации (Бредихин, 2023). Интенциональная лудизация способов взаимодействия при создании конвенционализованного пространства принятия решений на основе двухфокусной (адресатно-адресантной) делиберации (Бредихин, Бургакова, 2020) дают возможность оценить эффективность маскировочных директивов и ритуальных форм снятия с себя эпистемической ответственности. Следует подчеркнуть также значимость анализа и когнитивного моделирования инварианта альтернативных форм представления модельного поведения, за которым лежит именно различие интенций и когнитивных стилей контркоммуникантов (Кубрякова, 2004, с. 117). При этом инвариантной моделью в институциональном дискурсе некооперативного взаимодействия следует признать именно конвенции «третичного агента». Существенным дополнением в аналитическую процедуру установления соответствий между иллокутивными целями агентов институциональной коммуникации и их инвариантами, формируемыми нормами работы социального института и необходимостью сохранения эффективности его функционирования, является исследование инскриптивного характера трансляционного нормирования и регламентации (Мирошникова, 2023). Интенсивность маскировки и экспликации модельных образцов поведения определяется наличием тех или иных способов нивелировки конвиктивности и создания иллюзии делиберативности для обеспечения гармоничного взаимодействия разностатусных контркоммуникантов, анализ механизмов консолидации когнитивных и коммуникативных усилий может быть осуществлен на основе определения типичных форм хеджирования как возможности предоставления доступа к трансляции собственного мнения клиента (Hyland, 1998).

Комплексная методология исследования включает в себя элементы коммуникативно-дискурсивного анализа, позволяющего определить механизмы реализации иллокутивно-перлокутивного соответствия, а также выявить степень прагматической эффективности отдельных приемов речеактового варьирования директивной функции предписывающих актов агента в алгоритмизации реактивных действий клиента. В свете трихотомического взаимодействия, реализуемого в пограничном дискурсе социальной работы с населением (клиент – агент – третичный агент), следует разграничивать инскриптивный акт как конвенционализованное и легитимизированное в письменных актах «третичного агента» требование осуществления какого-либо действия как со стороны клиента, так и со стороны агента; прескриптивный акт перевода конвенционализованного требования непосредственным агентом (сотрудником) в область иллокутивных целей, и директивные речевые акты как форму актуализации прескрипции в вербалике.

Результаты исследования обладают не только высокой теоретической значимостью в аспекте более детализированной классификации косвенных речевых актов и определения способов хеджингового снятия с непосредственного агента эпистемической ответственности за манипулирование действиями клиента и их прогнозирование, но и существенной практической значимостью, поскольку создают базу для создания рекомендаций для действующих сотрудников государственных органов по организации более эффективного взаимодействия с гражданами.

Основные результаты исследования могут применяться в рамках чтения вузовских курсов по лингвопрагматике, дискурсологии, теории коммуникации, а также при написании научно-квалификационных работ различного уровня, посвященных когнитивному и коммуникативному моделированию дискурса.

Обсуждение и результаты

Специфика интеракционализации и смягчения прескрипций некооперативного институционального взаимодействия

Современные виды развернутого некооперативного взаимодействия характеризуются наличием не только нескольких контрагентов взаимодействия, реализующих различные иллокутивные цели, но и наличием «третичного агента», конвенционализирующего модели коммуникации и поведения, а также модулирующего векторы развития и предопределяющего конечный результат каждого из векторов алгоритмизированного действия (Бредихин, Бредихина, 2018, с. 359). Именно импликация, отсылка и оперирование данными, представленными в конвенционализирующих актах «третичного агента», позволяет непосредственному агенту (представителю социальной службы) не только снять с себя эпистемическую ответственность, но и аргументировать необходимость совершения того или иного действия клиентом. Однако ошибочным следует признать интенсификацию доминирующего положения в коммуникативном взаимодействии при попытках алгоритмизировать консолидационный процесс по достижению различных целей в рамках асимметрии агент-клиентского общения. Н. И. Формановская в своей монографии подчеркивала необходимость трансляции принципа «ролевого равенства» на основе формальной нивелировки безапелляционных предписаний. Создание пространства псевдовыбора на основе следования именно логичным, аргументированным моделям, позволяет существенно снизить исходное неприятие, скрыть в косвенных речевых актах прямую манипуляцию и тем самым гармонизировать коммуникацию. Достигается это не только с помощью мены «масок» директивного фрейма, но и применения субъективно-модальных элементов (Формановская, 2002, с. 146) (взятие повышенной эпистемической ответственности) или, наоборот, реминисценций к «третичному агенту» (снижения или снятия эпистемической ответственности).

Интерактивность в развернутой некооперативной коммуникации, которая предполагает, несмотря на асимметрию исходных целей, соблюдение принципа оптимальности как «сохранения единой задачи взаимодействия при динамическом изменении иллокуций» (Бредихин, 2023, с. 56), создается мягкими паттернами актуализации неизбежности совершения транслируемых алгоритмов, поскольку аргументация содержит однозначный выбор в пользу пути, направленного на удовлетворение потребностей клиента. Строится подобная аргументация вне зависимости от прямой или имплицитной формы директивности по схеме «следуя указанию, достигнешь желаемого – игнорируя призыв, не получишь требуемого». При этом непосредственная вербализация этой модели фразопостроения агентом (работником социальной службы), безусловно, вызовет у клиента ощущение нарушения его прав на «свободную волю». Подобные прямые директивы (требование, приказ, угроза) подспудно задействуют дерогативную область оценивания, ведь навязывание чужой воли отвергается самой природой человека, который к тому же в условиях обращения в государственные органы социальной защиты уже проблематизировал ситуацию и определил ее как некоторое нарушение своих прав. А создание интерактивного коммуникативного пространства как иллюзии совместного принятия решений по определению последовательности действий, удовлетворяющих обе стороны и соответствующих нормативным актам (прескрипциям «третичного агента»), уже на инкоативно-ритуально-институциональном этапе актуализации ключевого топоса общения и делимитации пространств целеполагания (Bredikhin, Bredikhina, Serebryakova et al., 2018) позволяет избежать прямого оценивания. При подобных маскировочных формах вербализации директивного фрейма алгоритмизация действий клиента воспринимается как его собственная, выведенная на основе логической аргументации и личного опыта по взаимодействию с органами государственной власти, модель поведения и представления требований, что существенно повышает эффективность предоставляемого агентом для реализации образца и схемы действия (Аникин, 2006, с. 175).

Речевая вариативность директивного фрейма и хеджирование при алгоритмизации действий клиента

Поскольку, как было сказано выше, специфика снижения конфликтного потенциала исходно некооперативного общения диктует необходимость использования косвенных речевых актов для трансляции прескрипций «третичного агента», что доказывается преобладающим числом маскировочных директивов (741 случай контекстуального употребления) над прямыми приказами, требованиями и угрозами (42 случая), гетерогенное по степени и семантике иллокуции пространство предписывающих речевых высказываний необходимо подвергнуть более дробной классификации. Итак, в исследовательской картотеке было представлено множество маскировочных высказываний, эксплицирующих примарно-директивную иллокуцию, которые можно разделить на следующие крупные группы:

1. **Инвазивы**, вербализованные в форме приглашения клиента к осуществлению комитативных действий.

Социальный работник (при приеме пакета документов на назначение выплат): *Давайте мы с Вами ещё раз пройдемся по списку требуемых справок, которые у нас даже представлены на сайте Комитета труда и социальной защиты населения...*

Как демонстрирует пример, комитативность в данном директиве выражается посредством употребления деперсонализированного глагола *давайте*. Подкрепление совместной значимости сверки документов не только для агента коммуникации (соблюдение требований к приему документов, выполнение регламента работы,

обеспечение эффективного функционирования социального института), но и для клиента – сокращение временных и материальных затрат для удовлетворения его обращения, происходит в рамках подчеркивания общей релевантности закреплённой последовательности действий на основе использования личных местоимений первого лица множественного числа *мы, нас*. При этом наблюдается четкий хедж по снятию с себя ответственности за возможные негативные реакции клиента, который обеспечивается упоминанием государственного органа (*Комитет труда и социальной защиты населения*) и факта исходной прескрипции (*список требуемых справок*).

2. **Иньюнктивы** как прямые формы побуждения к совершению какого-либо действия или соблюдению той или иной последовательности действий.

Пожалуйста, сначала обратитесь в Вашу управляющую компанию за получением справки об отсутствии задолженности по ЖКУ и о размере оплаты за общедомовые платежи, чтобы мы могли верно рассчитать размер компенсации, которая положена Вам согласно приказу Минтруда Ставропольского края.

В представленном микроконтексте высказывания специалиста комитета прямой иньюнктив сопровождается формальным бехабитивом *Пожалуйста*, смягчающим требование совершить определенные действия, которые предписаны конвенционализированными актами «третичного агента». Следует также указать на разъяснительные конструкции, представленные в придаточном условии и оправдывающие требование агента к клиенту. При этом пояснения снабжены хеджем в форме прямой отсылки к государственному органу («третичному агенту»), обеспечивающему инскрипцию и легитимизацию действий и требований непосредственного агента. Общее пространство релевантности прескрипций обеспечивается использованием местоимения множественного числа в первом лице *мы*, что имплицитно не только доминантную цель агента взаимодействия следовать процедурам, сохраняющим функционал социального института, но и имплицитно вовлекает в общее пространство целеполагания значимые компоненты клиента.

3. **Адвисивы** представляют собой специфические формы совета по исполнению требуемых прескрипциями действий.

Я думаю, что Вам стоило бы до подачи заявления на выплаты обратиться в Пенсионный фонд и выяснить там, какие перечисления Вы получаете, и потом уже сравнить их сумму с минимальным порогом, при котором дополнительная поддержка может быть Вам оказана. Если общая сумма выплат превышает МРОТ, то, к сожалению, мы не сможем Вам ничем помочь...

В данном случае структура и наполнение адвисива весьма стандартны, он содержит модальную конструкцию с глаголом в безличной форме со смягчающей категоричностью частицей *бы*. Кроме того, снабжение совета конструкцией *Я думаю* существенно расширяет область интимизации всего высказывания и подкрепляет интенсификацию личной заинтересованности агента в достижении цели, которую преследует клиент при обращении. Данное пересечение частных значимостей усиливается в финальной фразе инкоативного этапа взаимодействия, строящейся по форме констатации условий удовлетворения требований клиента с отсылкой к вербально представленным количественным данным (*МРОТ*). Внедренный бехабитив *к сожалению* достаточно ярко эксплицирует собственное отношение агента к возможности «недостижения» целей клиента, что интерпретируется адресатом как интимизирующее средство, создающее общую релевантность проблематизируемой ситуации. В приведенном примере, как и в адвисивах вообще, достаточно редко можно встретить хеджи, минимизирующие эпистемическую ответственность как степень признания адресантом себя в качестве автора коммуникативного действия (Чепурная, Красса, 2013, с. 205). При этом, так называемые, «обратные хеджи», повышающие собственное участие в конвиктивизации содержания именно в адвисивных речевых актах представляют существенный компонент повышения доверия клиента к агенту дискурса.

4. **Инструктив** большей частью является наиболее востребованной формой алгоритмизации последовательности действий клиента в пограничном дискурсе, поскольку включает не просто требование или рекомендацию по осуществлению действий, но и зачастую выстраивает их в необходимой последовательности и описывает их содержание и результат.

Вот, смотрите, в регламенте четко сказано, что date подачи заявления на рассмотрение вопроса о назначении компенсации по ЖКУ должна предшествовать подача пакета документов, т. е. все справки должны быть датированы раньше, чем Ваше обращение... Да, после я у Вас не смогу справку из Горэлектросетей принять. Значит так, давайте Вы сначала соберете недостающие справки и нужно сделать ещё копии реквизитов счета, на который будет потом осуществляться перечисление, потом уже мы с Вами заявление заполним и пойдем дальше по инстанциям согласно предписанию... А Ваше обращение на сайте мы обработаем как отработанное и отклоненное ввиду не полностью представленного пакета документов, если мы не снимем из системы предыдущее заявление, то она не даст нам сформировать новое, значит, выплаты будут назначены только со следующего месяца.

Как видно из примера, каждый инструктив содержит множество хеджей, которые призваны не только снять эпистемическую ответственность с адресанта, но и прояснить последовательность описываемых действий, дать основания легитимизации требований непосредственного актора пограничного дискурса. При этом описание «алгоритма» представляет собой не просто своеобразную «инструкцию» по удовлетворению обращения клиента, но выглядит как эксплицированный внутренний монолог продуцента, который отмечает каждый этап конвенционализированной прескрипциями «третичного агента» действий (*в регламенте четко сказано, согласно предписанию*). Конкретные этапы и узловые точки их смены маркируются лексически посредством использования наречий темпоральной семантики *сначала, потом* и т. д. Каждый инструктив характеризуется

конвергенцией алетической и деонтической (*должен, нужно*) модальностей, которые выражают отношение к инскрипционной норме «третичного агента». Возможность и невозможность реализации требований клиента как компонента алетической модальности существует в инструктиве имплицитно в форме комитативных конструкций (*мы заполним, пойдём дальше, мы обозначим*). Подобные пространственные инструктивные пояснения практически всегда содержат менасивы, которые действуют как предупреждения клиенту о возможных последствиях отклонения от предписанной последовательности действий (*если мы не снимем из системы предыдущее заявление, то она не даст нам сформировать новое*).

5. Еще одной действенной формой прескрипции и алгоритмизации действий в дискурсе социальной работы служит **реквестив**, выражающий просьбу совершить какое-либо действие, зачастую оптимизирующее и упрощающее достижение целей агента и клиента.

Я хотела бы попросить Вас предоставить управляющей компании нашу форму выписки об отсутствии задолженности, там указан конкретный период времени, он важен для осуществления перерасчета. Если эти сроки, а там значится полгода именно отопительного периода, не будут указаны, то компенсация будет рассчитана по минимальным показателям, что конечно же не выгодно для Вас. А ведь в том же обращении В. В. Путина, на которое Вы сами ссылались, упоминалось о необходимости четкого и своевременного реагирования органов исполнительной власти на изменение статуса граждан...

В данном микроконтексте реквестив представлен в своей наиболее мягкой форме с использованием волюнтаративного модального глагола в сослагательном наклонении *хотела бы* и конкретизацией эксплицируемой просьбы с интенсификацией ее важности как для агента (соответствие формы предоставляемого документа), так и для клиента (увеличение размера выплаты). Присутствие условной конструкции *если..., то...* вводит дополнительные компоненты прояснения необходимости следования предписаниям в форме менасива (предупреждения) с актуализацией *выгоды* для клиента исполнения конвенционализированной последовательности действий и исполнения просьбы агента.

В пояснение к реквестиву содержится ассоциативная модификация исходного прецедентного феномена о повышении выплат, которая не только была озвучена Президентом, но и конвенционализирована в меме «Решение принято!» с визуальным рядом, представляющим М. В. Мишустина, подписывающего некий документ. Целый ряд прецедентных элементов, которые аллюзивно, чаще на основе апелляции к авторитету (*argumentum ad verecundiam*), репрезентированному в общедоступных источниках (телевидение, публикации в СМИ и т. п.), связаны с проблематизируемой в обращении клиента ситуацией, формируют модифицируемый комплексный прецедентный феномен (Марченко, Бредихин, 2023, с. 81), который способен объединить частные значимости и легитимизировать прескрипцию для клиента.

Таким образом, в рамках реализации исходной цели по алгоритмизации, внедрению в реальное некооперативное взаимодействие схематизмов, позволяющих не только существенно упростить коммуникативную интеракцию, но и с достаточной долей уверенности прогнозировать ее исход, агентами пограничного дискурса социальной работы с населением используются как прямые (в рамках статистической погрешности), так и косвенные формы директивных речевых актов.

Заключение

На основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод: развернутое некооперативное взаимодействие в пограничном дискурсе социальной работы осуществляется в условиях реализации дифференциальных исходных целей агента и клиента на основе объединения пространств целеполагания при смягчении прескрипций «третичного агента» и демонстрации их релевантности для клиента. Главным выводным знанием анализа микроконтекстов директивной иллокуции является практически полная нивелировка прямых директивов (требование, приказ, угроза), способных расширить негативную сферу оценивания исходных прескрипций и привести к деструкции алгоритма в инкоативно-дуративно-финальной последовательности этапов реализации целей коммуникантов в процессе консолидации усилий и гармонизации агент-клиентской коммуникации.

В связи с крайней необходимостью смягчения конвенционализированных инскрипций «третичного агента» директивная иллокуция приобретает детерминированную консолидационными целями речеактивную специфику, непосредственные доминирующие агенты (сотрудники социальных служб) используют в основном: 1) инвитивы, которые нацелены на объединение пространств целеполагания в форме экспликации комитативности; 2) инъюнктивы, эксплицирующие прямую рекомендацию, смягченную бежабитивами; 3) адвисивы, смягчающие инструкцию по осуществлению требуемых действий с использованием модальных глаголов и сослагательного наклонения; 4) инструктивы, представляющие собой наиболее детальное описание последовательности совершения действий и вербализацией результата; 5) реквестивы, как наиболее мягкую форму просьбы. Инвитивная, инъюнктивная и инструктивная формы имплементации прескрипции снабжаются хеджами, смягчающими эпистемическую ответственность непосредственного агента, в то время как реквестивы и адвисивы повышают эпистемическую ответственность, эксплицируя личную заинтересованность в достижении целей клиента.

Каждый из представленных речевых актов может снабжаться мягким менасивным актом для конкретизации целевой сферы алгоритмизации действий. Таким образом, менасивы, вводимые в пояснение в процессе легитимизации осуществления действий в определенной последовательности в институциональном дискурсе социальной работы всегда имеют форму мягкого предупреждения о последствиях и не выражают прямой угрозы, которая будет восприниматься как дополнительный конфликтоген.

Перспективами дальнейшего изучения речеактовой специфики и стратагемно-тактического варьирования коммуникаций в развернутой некооперативной форме может стать делимитация ряда собственно инскриптивных актов алгоритмизации, которые не поддаются маскировке. Комплексная методология, включающая анализ иллокутивных целей по формальным и субстанциональным признакам, а также приемы коммуникативно-дискурсивного анализа в сочетании с диалектико-реляционными формами исследования соотношений коммуникативного и реального действия, а также взаимозависимостей статусов, актуальных ролей и способов прескрипции, представляется обладающей высоким экспланаторным потенциалом при применении ее к системному анализу других типов гибридных и институциональных дискурсивных практик.

Источники | References

1. Аникин Е. Е. Тактика имплицитного сопоставления в рекламном дискурсе США // Политическая лингвистика. 2006. № 20.
2. Бредихин С. Н. Теория некооперативных игр в порождении и интерпретации высказываний институционального дискурса // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16.
3. Бредихин С. Н., Бредихина Ю. И. Прото-роли в актуализации компонентов значения в ноэматике высказывания (на материале пограничного дискурса социальной работы) // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34.
4. Бредихин С. Н., Бургакова Л. Д. Перформативы и прескриптивы как маркеры конвенционально-финального компонента в людическом дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3.
5. Бредихина Ю. И. К проблеме делимитации дискурса социальной работы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-2 (75).
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2.
8. Мирошникова Е. А. Лингвокультурная и прагматическая специфика инскриптивных речевых актов в туристической рекламной коммуникации: дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2023.
9. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
10. Чепурная А. И., Красса С. И. Модель базы данных языковых средств выражения эпистемической ответственности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19).
11. Bredikhin S. N., Bredikhina Y. I., Serebryakova S. V., Marchenko T. V. Levels of Communication Act: Functional Communicative Features of Social Work Institutional Discourse // SHS Web of Conferences: The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAN-2018). 2018. Vol. 50. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001022>
12. Hyland K. Boosting, Hedging and the Negotiation of Academic Knowledge // Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. 1998. Vol. 18 (3).
13. Nash J. Non-cooperative Games // Annals of Mathematics. 1951. Vol. 54. Iss. 2.

Информация об авторах | Author information

Борисова Татьяна Григорьевна¹, д. филол. н., проф.
Бредихина Юлия Игоревна²

^{1, 2} Ставропольский государственный педагогический институт

Tatyana Grigoryevna Borisova¹, Dr
Yulia Igorevna Bredikhina²

^{1, 2} Stavropol State Pedagogical Institute

¹ ddis@bk.ru, ² bredichinajulia@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.10.2024; опубликовано online (published online): 26.11.2024.

Ключевые слова (keywords): пограничный дискурс; алгоритмизация; речеактовая специфика; директивы; перлокутивный эффект; хеджирование; boundary discourse; algorithmization; speech act peculiarities; directives; perlocutionary effect; hedging.